

УДК 273(470.319)''18/19'

DOI:10.22394/2225-8272-2022-11-4-144-154

ИСАЕВ Алексей Владимирович, кандидат политических наук, доцент, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: IsaevLasha@yandex.ru, Author ID: 716259

МАТВИЕНКО Валентина Анатольевна, старший научный сотрудник, кандидат политических наук, доцент, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (Россия, Елец), e-mail: vamatv@mail.ru, Author ID: 650486

ISAEV A.V., Candidate of Political Science, Docent, Associate Professor of the Department of Civil disciplines and social security, Central Russian Institute of Management – branch of RANHIGS (Russian Federation, Orel), e-mail.ru: IsaevLasha@yandex.ru, Author ID: 716259

MATVIENKO V.A., Senior Researcher, Candidate of political sciences, Associate Professor, Yelets State University (Russian Federation, Yelets), e-mail.ru: vamatv@mail.ru, Author ID: 650486

РАСПРОСТРАНЕНИЕ РАСКОЛЬНИЧЕСТВА И СЕКТАНТСТВА В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

DISTRIBUTION OF DISCHARGE AND SECTANCY IN THE OREL PROVINCE AT THE END OF THE 19TH – BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES

Аннотация. Цель статьи – исследование отдельных вопросов распространения раскольников и сектантства в Орловской губернии в конце XIX – начале XX веков. В работе акцентировано внимание на причинах, мотивах, локализации такого распространения, взаимоотношениях между различными общинами. На основе анализа материалов «Миссионерского обозрения» и «Орловских епархиальных ведомостей» авторы приходят к выводу, что во главе раскольников и сектантов стояли наиболее энергичные и влиятельные люди. Феномен популярности различных сект и толков среди жителей Орловской губернии был обусловлен и внутренними (поиск правдоискательства, неудовлетворенность повседневной жизнью), и внешними факторами (изменения в политической, социальной или экономической жизни, бедность, физические недостатки, преклонность лет). В зависимости от места проживания раскольники и сектанты были как весьма фанатичными и нетерпимыми, так и более мягкими и уступчивыми по отношению к православной Церкви и её духовенству.

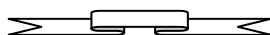
Ключевые слова: сектантство, раскольники, скопцы, Орловская губерния, «Миссионерское обозрение», «Орловские епархиальные ведомости».

Abstract. The purpose of the article is to study certain issues of the development of Schism and Sectarianism in Orel province in the late 19th and early 20th centuries.

The paper focuses on the causes, motives, localization of such distribution, the relationship between different communities. Based on the analysis of the materials of the Missionary Review and the Orel Diocesan Gazette, the authors emphasize that the most energetic and influential people were at the head of the schismatics and sectarians. The phenomenon of popularity of various sects and interpretations among residents of the Orel province was due to both internal (the search for truth-seeking, dissatisfaction with everyday life) and external factors (changes in political, social or economic life, poverty, physical disabilities, old age).

As a result, the authors draw the conclusion that schismatics and sectarians were both very fanatical and intolerant, and more lenient and compliant towards the Orthodox Church and its clergy depending on the place of residence.

Keywords: Sectionalism, schismatics, skoptsy, Oryol Province, Missionary Review, Oryol Diocesan Gazette.

ВВЕДЕНИЕ

В конце XIX – начале XX века, несмотря на жесткую правовую регламентацию и запреты [3], уголовное преследование [8], ссылки и строгое тюремное заключение [12], раскольнические и сектантские общины имели широкую популярность в Российской империи. Локализация таких общин по губерниям была дифференцирована по различным причинам.

В этой связи вопросы распространения раскольничества и сектантства, в том числе в Орловской губернии, неоднократно поднимались на станицах «Миссионерского обозрения» и «Орловских епархиальных ведомостей».

Обращение к данной тематике позволит понять границы веротерпимости и предпосылки формирования современной модели российских государственно-конфессиональных отношений [15, С. 58–67].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Весьма обширны и интересны с исторической точки зрения работы Т. И. Буткевича [2], А. Введенского [3], Н. П. Карабчевского [8], А. С. Пругавина [12].

Современных работ по движению раскола и сектантства в России весьма много. Мы остановили свое внимание лишь на некоторых из них. Так, исследовательский интерес представляют работы С. Н. Абакумова, П. О. Горбачева, С. А. Иниковой, О. Г. Курдюмова, Е. С. Матвеевой, А. В. Меркулова, В. В. Мищенко и других [1, С. 53–57; 5; 7, С. 41–59; 9, С. 116–124; 10, С. 194–198; 11, С. 27–34]. Дополняют данную группу исследования Лоры Энгельштейн [16, 17, С. 237–276].

Отдельные вопросы распространения раскола и сектантства в Орловской губернии затронуты в журналах «Миссионерское обозрение» и «Орловские епархиальные ведомости» [4, С. 562–572; 6, С. 421–425; 13, С. 149; 14].

В работе использовался комплекс исто-

рических (проблемно-исторический и историко-системный) и общенаучных (метод библиографического/источникового анализа, системный) методов исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Орловская губерния считалась колыбелью целого ряда направлений сектантства и раскольничества. Этому способствовали следующие факторы.

Во второй половине XVII века Орловский край составлял «окраину» Московского государства. Как отмечал преподаватель Орловской духовной семинарии и миссионер Александр Георгиевский, «...сюда, на границу, подальше от правительственного центра, бежали все, кому почему-либо не жилось на своей Родине, и кто вне ее искал себе вольной волюшки» [4, С. 562–572].

Также поступали и раскольники, «которые скрывались от преследования правительства на Орловской «окраине», особенно в той части, которую охватывали брянские леса. С другой стороны, сами власти иногда ссылали сюда в виде наказания наиболее «упорных и рьяных» обрядоверов. Местом такой ссылки был мужской монастырь в селе Столбове Дмитровского уезда, пограничном с Кромским уездом» [4, С. 563], чем объяснялось преимущественное распространение здесь старообрядчества. Кроме того, некоторые из московских стрельцов, расселенных по разным городам и окраинам Орловской губернии, также придерживались раскола.

Все эти беглые и ссыльные люди, по словам А. Георгиевского, и были первыми «насадителями» своего учения на почве народного невежества [4, С. 564].

Местная обстановка также благоприятствовала успеху пришлых проповедников. Так, со времени закрытия Брянской епархии (около 1500 года) до возникновения в 1764 году самостоятельной епископской кафедры в г. Севске Орловский край в церковном отношении был разделен между разными епархиями, кафедральные города которых (Коломна, Москва, Смоленск,

Рязань и Воронеж) находились от него далеко. Как следствие, отсутствие ближайшего архипастырского надзора и непосредственного влияния епархиальных преосвященных давало простор для пропаганды раскола. Кроме того, приходское духовенство Орловского края, хотя и было близко к местному расколу, однако не могло бороться с ним по своему богословскому невежеству, нравственной заботности и материальной необеспеченности. Об этом свидетельствовал Синоду и преосвященный Кирилл Флоринский, второй епископ Севский (1768–1778 гг.), что сельские священники его епархии почти все совсем ненадежны для увещания раскольников. В духовной семинарии, открытой в Севске в 1778 году и затем (в 1827 г.) переведенной в г. Орёл, долгое время царил латынь; богословы, непобедимые в школьных латинских диспутах, ни слова не знали о русском расколе и в беседах со старообрядцами становились в тупик [4, С. 565]. Распространению раскола в Орловской губернии способствовало и двусмысленное отношение гражданской власти к нему.

Царствование императора Николая I и его преемников с их гражданскими мерами и одновременная с ними духовно-просветительная деятельность орловских архипастырей и приходских пастырей положили конец открытой и усиленной пропаганде раскола старообрядчества в Орловской епархии и ослабили его силу. Однако раскол продолжал существовать, имея свою внутреннюю и внешнюю жизнь [4, С. 565]. Так, на начало 1900-х годов в Орловской епархии насчитывается 3508 душ мужского и 3869 душ женского пола последователей раскола. Всех раскольнических приходов – 35 [4, С. 565]. М. Григорьев также отмечает, что общая численность раскольников-старообрядцев в Орловской епархии в 1899 году составляла до 7737 душ обоюго пола. Почти все раскольники принадлежали к следующим согласиям: новопоморскому, федосеевскому, филипповскому, белпоповскому и австрийскому [6, С. 421-425].

Новопоморцы фанатично отстаивали свои взгляды, вели активную пропаганду среди членов Православной Церкви. Так, они нередко склоняли в раскол православных девушек посредством вступления с ними в брак по обрядам своего толка; вошедши в раскольническую семью, православные девушки под влиянием старших членов семьи мужа постепенно охладевали к православию. Филипповцы Орловской губернии широко, но тайно пропагандировали свое учение, используя убеждения, уговоры, денежные подкупы и материальные пособия и сманивая к себе стариков, вдов и детей.

Фанатизм и невежество раскольников Орловской губернии служили причиной того, что все их согласия и толки находились в постоянной непримиримой вражде между собою. Например, филипповцы сначала раскололись на два толка: гуляевцев и ситниковцев, которые, в свою очередь, ещё разделились на осьмокрещенцев и пятокрещенцев, или базинцев и кривошеинцев.

Своей активностью выделялись новопоморские наставники – крестьянин А. Ф. Пахомов и крестьянин С. А. Шмуров, а также филипповский лжеучитель С. Н. Кривошеин.

Как отмечается в «Миссионерском обозрении», Пахомов – человек, до фанатизма преданный расколу, со своими деятельными помощниками Максимом Грязновым, Никифором Разговоровым и Наумом Варнаковым обучают детей односельчан грамоте (но в духе раскола), всячески противодействуют устройству в их деревне школы, заботятся о благоуукрашении своего молитвенного дома, ходатайствуют об отведении для своих единоверцев особого кладбища (и получают на это разрешение) [6, С. 422]. Другой раскольнический деятель – крестьянин села Лужков Дмитровского уезда Шмуров – для возбуждения религиозного фанатизма среди своих единоверцев устраивает торжественные служения в своей молельной, на которые собираются

старообрядцы из всех окрестных деревень во главе с их благословенными отцами. Само богослужение в это время совершается особенно продолжительно – почти всю ночь, причем растворяются окна молельни, откуда слышится на соблазн православным протяжное заунывное пение. По окончании богослужения у Шмурова проходит совет с раскольниками по разным текущим вопросам, причем главное и окончательное решение предоставляется ему самому. При этом он не боится показывать своей веры. Так, например, 19 мая 1899 года Шмуров торжественно совершил крестный ход на огороды и там в присутствии православных отслужил молебен «на засев конопли» [6, С. 423].

Главный руководитель филипповцев Кривошеин также нисколько не стеснялся своих воззрений. В целях прозелитизма он вместе со своим помощником – крестьянином Павлом Шкутовым – разъезжал по сёлам и деревням Орловской епархии, где имелись их последователи, и собирал своих единоверцев, особенно нетвердых в вере, читал им Писание, толкуя его по своему разумению; вместе с тем он вел активную пропаганду и в «православных» селениях [6, С. 423].

Свою активность проявляли и столпы «древнего благочестия» из других местностей. Это, например, тульский начетчик Батов, имеющий огромное влияние на орловских раскольников и снабжающего всех новопоморцев местной епархии своими подпольными изданиями, начетчик из села Поныри Курской губернии, Самохвалов и Надежин из Нижнего Новгорода, к которым раскольники-беспоповцы обращались во всех наиболее важных случаях, жили по их советам и указаниям [6, С. 424].

Таким же авторитетом власти и влиянием в раскольнических общинах, в частности у федосеевцев, обладали «херувимки» или «монашки». Это «девицы из местных крестьянок, воспитываемые в преданности расколу и в духе фанатичной преданности своему согласию на Преображенском

безпоповщинском кладбище в Москве. Там они давали фиктивный обет безбрачия и становились через год «херувимками» и «монашками», изучали науку церковного чтения, письма и пения. Возвращаясь на родину, они играли исключительную роль в делах внутреннего управления федосеевской секты: они следили за направлением отдельных семей и лиц, руководили воспитанием детей своих единоверцев, отправляли у них богослужение и требы, налагали епитимьи, разрешали недоумения» [6, С. 424].

Что касается отношения раскольников к Православной Церкви, то в разных местностях и у разных согласий они были противоположны. Так, филипповцы и федосеевцы проявляли постоянную ненависть и фанатизм в своих отношениях к Церкви и ее духовенству. Они с особенным искусством и энергией противодействовали намерению присоединиться к Православной Церкви – увещевали, угрожали, обещали награды и так далее. В то же время последователи австрийского согласия в отношении к православию внешне нисколько не походили на раскольников: они посещали православные храмы, принимали священника в свои дома, подходили к нему под благословение и о своей принадлежности к расколу никогда открыто не заявляли. Неоднозначным было отношение некоторых беглопоповцев Малоархангельского уезда к Церкви и ее служителям: раскольники обращались к приходскому священнику для совершения крещения, брака и погребения; таин же покаяния и причащения, а также священнического благословения от него не принимали и его самого с крестом и святой водой в свой дом не пускали.

Примечательно, что филипповцы, которые, как правило, относились весьма нетерпимо к православию, в деревне Красовке Кромского уезда мирно уживались и совместно трудились с православными (например, обрабатывали землю у Рибоьера за материал, предназначенный

для церковной ограды) [6, С. 424].

Отметим, что по сведениям, собранным епархиальным сектантским наблюдателем от приходов Орловской епархии, в 1901 году всех сектантов-рационалистов и мистиков насчитывалось 245 мужчин и 714 женщин (959 человек). Распространены они были в 68 приходах во всех 12 уездах губернии. В частности: а) штундистов числилось 25 мужчин и 17 женщин в 9 приходах Орловского, Кромского, Малоархангельского, Брянского, Трубчевского и Севского уездов; б) пашковцев – 10 мужчин (женского пола нет) в 3 приходах Орловского, Кромского и Болховского уездов; в) молокан – 7 мужчин и 7 женщин в одном приходе Брянского уезда; г) хлыстов – 92 мужчины и 95 женщин в 6 приходах Ливенского, Елецкого, Брянского и Трубчевского уездов; д) скопцов – 111 мужчин и 595 женщин в 49 приходах [14]. Последние были распространены в Орловском, Мценском, Карачевском, Кромском, Дмитровском, Болховском, Малоархангельском и Ливенском уездах (табл. 1).

Таблица 1 – Статистические данные о количестве скопцов в Орловской губернии (составлено по [14])

Table 1 – Statistical data on the number of eunuchs in the Oryol province (compiled according to [14])

Уезд	Мужчины	Женщины
Орловский	28	230
Мценский	1	15
Карачевский	10	55
Кромской	15	131
Дмитровский	1	32
Болховский	-	4
Малоархангельский	37	104
Ливенский	19	24
Всего		706

В «Миссионерском обозрении» за 1901 год указывается, что скопцы, например,

перед вступлением в секту дают обет употреблять всевозможные средства к тому, чтобы кого-нибудь породить от себя, то есть увлечь кого-нибудь в свою секту per castrationem, и тем самым поддержать ее существование. Каждый из них должен употреблять всю силу фанатизма к исполнению этого обета, и там, где не действуют их убеждения, они употребляют обман и подкуп, а при крайности не пренебрегают и насилием, в особенности так часто поступают родители с малолетними детьми [13, С. 149].

Как следствие, по словам адвоката Н. П. Карабчевского, уголовные дела религиозного характера нередко служили предметом судебного разбирательства [8, С. 236].

Так, в г. Мелитополе (Таврической губернии) в 1876 году в течение продолжительного времени в особом деревянном бараке проходили заседания Симферопольского окружного суда с участием присяжных заседателей по особому делу. Речь шла о лицах разного пола (как правило, женщины), возраста (дети 10–16 лет, большинство – 30–35 лет, старики за 70 лет) и сословия (крестьяне, мещане, купцы), заподозренных в принадлежности к скопческой секте и в распространении этого учения. Кроме того, в Самарском окружном суде обвинение было направлено против шести человек, из которых трое обвинялись в самооскоплении, а двое других – в распространении скопческой ереси. К числу ревностных самооскопителей принадлежали все люди в молодом возрасте: крестьянин Кузьма Сапрыкин 23 лет, брат его Ермолай 26 лет и крестьянка Анна Жукова 30 лет [8, С. 236–255].

Как отмечалось в «Орловских епархиальных ведомостях», физических скопцов насчитывалось всего лишь 45 мужчин и 40 женщин, да и те подверглись оскоплению уже много лет тому назад, в свое время были судимы за это гражданскою властью и оправданы. Все остальные лица, подозреваемые в принадлежности к данной секте, – это только духовные скопцы и скопчихи и притом, главным образом,

женщины – девицы и вдовицы, по бедности, физическим недостаткам, преклонности лет и другим причинам потерявшие надежду на выход замуж и остающиеся в сектантстве до первой возможности вступить в брак; случаев физического оскпления среди них нет, и о них ничего не слышно [14].

Вероучение скопцов, зародившись в Орловской губернии в XVIII веке [11, С. 27–34] (по другой версии – в Тульской) [5], распространилось как во многих губерниях Российской империи (Вятской, Иркутской, Курской, Тамбовской, Якутской и других), так и за ее пределами (Румыния) [7 С. 41–59] и просуществовало до 20-х – начала 30-х годов XX века [16, С. 7; 5].

Штунда и хлыстовщина были занесены в Орловский край с юга России крестьянами, во множестве живущими там на заработках; пашковщина – с севера России, главным образом орловским землевладельцем Н. П. Зиновьевым и служащими в его экономиях крестьянами Владимирской и Тверской губернии; последователями молоканства в Орловской губернии являются лишь немногие крестьяне Рязанской губернии, служащие на Брянском рельсопрокатном заводе [14, С. 1322].

Однако среди коренного населения губернии, исконно отличающегося глубокою преданностью православию, все эти секты мало находят себе последователей, только иногда – среди родных и близких знакомых самих пропагандистов новых вер. Особенно это касается штундистов, пашковцев и молокан: простой народ относится к ним, как к «немолякам», с полным пренебрежением и отвращением. При этом хлыстовщина привлекала истинно православных, но необразованных молодых людей своим показным благочестием, крайним мистицизмом и экстазом [14, С. 1322].

Отметим, что «характеристика рационалистического и мистического сектантства по всем приходам Орловской епархии была представлена Епархиальным Сектантским Наблюдателем в его отчетах за 1897, 1898 и 1899 годы и почти целиком

вошла в печатные отчеты о состоянии и деятельности Орловского Петропавловского Братства за те же годы в «Орловских епархиальных ведомостях» [14, С. 1322].

В качестве новых мест распространения рационалистического *сектантства* в 1900 году явились: деревня Щепетлево прихода села Алешковичи Севского уезда, деревня Георгиевская прихода села Преображенского в Куракине Малоархангельского уезда, деревня Глыбочка прихода села Алешанка Трубчевского уезда, Зиновьевский металлургический завод Кромского уезда и рельсопрокатный завод Брянского уезда [14, С. 1323].

Так, в конце 1899 года в деревне Щепетлево начал заниматься пропагандой штунды местный крестьянин-солдат Афанасий Пантюхов, однако он вскоре уехал в Харьковскую губернию, в Богодуховский уезд; возбужденное же Духовной консисторией по донесению Севского уездного исправника судебное следствие о Пантюхове не нашло достаточных данных для привлечения его к ответственности, поэтому было прекращено. Также последователи штундизма прибыли с юга России: в деревню Георгиевскую в лице местного крестьянина Ильи Липатова и его жены, а также в деревню Глыбочку в лице крестьянина Василия Ляпкина. На Кромском Зиновьевском заводе, в конторе инженера Бари, штундизма придерживался пришлый крестьянин Тимофей Холин, успевший завязать письменные отношения с единоверцами – братьями Зарубиными – крестьянами деревни Кнубри Орловского уезда [14, С. 1324].

Епархиальный сектантский наблюдатель отмечал, что указанные лица, как живущие единицами на далеком расстоянии друг от друга, не устраивали своих молитвенных собраний и чего-либо опасного для Православной Церкви не представляли, тем не менее в предупреждение распространения ими своего учения установлен за ними надзор полиции, а

местным же духовенством предприняты соответствующие миссионерские меры [14, С. 1324].

О сектантах на Брянском рельсопрокатном заводе епархиальный наблюдатель впервые узнал при производстве им следствия о хлыстах в селе Супонево Брянского уезда в январе 1900 года. В августе того же года по поручению епархиального начальства им при участии местного священника Иоанна Феодоровского было произведено следствие на данном заводе, которое показало следующее. Все сектанты Брянского завода – уроженцы не Орловской, а других губерний. Они разделяются на две категории: одни – в количестве 7 мужчин и 7 женщин (три семьи – крестьян Рязанской губернии, Зарайского уезда, деревни Луховичи, Алексея Бурмистрова, его брата Василия и крестьянина деревни Кунаков того же уезда Василия Городенского) – молокане так называемого уклеинского или тамбовского толка; а другие 10 мужчин и 9 женщин (семьи крестьянина Курской губернии, Тимского уезда, деревни Шумакова, Венедикта Федосеева, его брата Адриана, часть семьи их отца Егора, семья крестьянина Могилевской губернии, Чериковского уезда, села Залесовичи, Даниила Тимошенкова и часть семьи мещанки города Конотопа Анастасии Авдеенковой) исповедуют штунд-баптизм [14, С. 1325].

Последователи молоканства не только сами от рождения принадлежали к этой секте и воспитывали в ней своих детей, но и деды и прадеды были той же веры; живя на Бежице, они не занимались пропагандой своей веры и мало ею интересовались. Штундисты же, за исключением многих их детей, родились и крестились в Православной Церкви и долго принадлежали к ней. Венедикт Федосеев стал последователем штундизма в 1888 году в Харькове, жена его Мария Павлова – там же, хотя перекрещена была в 1897 году уже на Бежице (в реке Десне), Даниил Тимошенков – в 1883 году в Киеве, жена его Екатерина Ва-

ильева – в 1887 году там же, Анастасия Авдеенкова – в 1892 году в Киеве [14, С. 1325].

Кроме того, Даниил Тимошенков еще в Киеве за устройство им штундистских собраний в своем доме отсидел один месяц в арестном доме; за повторение этих собраний он был уволен с железнодорожной службы и административным порядком в 1895 году был сослан под надзор полиции в Плоцкую губернию на 5 лет, но чрез 1 год и 3 месяца по всемилостивейшему манифесту вследствие особого прошения его был освобожден. Анастасия Авдеенкова в 1898 и 1894 годах за совращение своих детей в штунду была приговорена Черниговским окружным судом к двухмесячному аресту, хотя потом по апелляции была оправдана Киевской судебной палатой [14, С. 1326].

Епархиальный наблюдатель отмечал, что первым представителем баптизма в Бежице в начале 90-х годов XIX века был начальник чугунолитейной мастерской немец Спонсберг. Он нашел себе единомышленника в другом немце – Феодоре Цымбале – и посодействовал поступлению в мастерскую на службу под его начальство Венедикта Федосеева. Спонсберг и Венедикт Федосеев потом вызвали в Бежицу Даниила Тимошенкова, а затем Анастасию Авдеенкову с ее семьей; переехала сюда и семья отца Венедикта Федосеева. Живя на Бежице, все эти сектанты взаимодействовали главным образом с киевскими штундистами: последних они иногда сами посещали в Киеве или принимали у себя, переписывались с ними (например, Тимошенков – с художником Раевским, известным устройтелем штундистских собраний) и иногда получали от них деньги (Тимошенков получил от своей киевской братии 10 рублей на расходы по подаче прошения на высочайшее имя). Кроме того, Венедикт Федосеев одно время держал у себя на квартире сына проживающего в городе Орле книгоноши Великобританского библейского общества Емельяна Алексея – Петра: оба, по словам Федосеева, были пашковцами [14, С. 1327].

Общались Федосеев и Тимошенков с супоневскими хлыстами (называя их «белоризцами») – они ходили в село Супонево узнать, в чем состоят богослужебные собрания сектантов. При этом и последние интересовались богомолениями заводских штундистов. В результате выяснилось, что между теми и другими нет ничего общего, однако штундисты активно прозелитировали по отношению к супоневским хлыстам: Венедикт Федосеев на святках 1899–1900 г., после разгрома хлыстов в селе Супонево, приютил у себя на время Тимофея Говорова с его женой и матерью и дал Николаю Ивакину одну брошюру штундистского содержания; Тимошенков также снабдил Иосифа Погапкина (или Николая Ивакина) сборником своих духовных стихотворений [14, С. 1327].

Ближе всего оказались отношения заводских штундистов и заводских молокан: и те и другие бывали друг у друга на собраниях. Однако руководителями и устроителями таких собраний были не молокане, а штундисты, при этом сами собрания устраивались по-штундистски в домах не только штундистов, но и молокан; при погребении жены молоканина Василия Бурмистрова читал и объяснял Евангелие штундист Тимошенков. Как следствие, по словам Михаила Бурмистрова, вера штундистов нравилась молоканам.

В целом в отношении заводских штундистов следствием были установлены следующие факты: 1) сектанты публично устраивали свои богомоленные собрания, даже иногда «с преломлением хлеба», а местная полиция не предпринимала никаких запретительных мер, кроме как дознания о них; 2) Венедикт Федосеев, его жена Мария Павлова и Даниил Тимошенков склонили в свою веру прибывших в Бежицу братьев и сестер Венедикта – Адриана, Николая, Харитину и Дарью Федосеевых; 3) последние, особенно Дарья, в свою очередь, склоняли к тому же самому своих родных отца и мать – Егора и

Марию Федосеевых, жену Адриана – Агрипину Федосееву, своих соквартирантов – Матвея и Надежду Померанцевых и Екатерину Семёнову, свою квартирную хозяйку – Наталью Аксикович и Ульяну Авдеенкову; 4) Венедикт и Мария Федосеевы воспитывают трех своих детей в штундизме: Венедикт запрещает своей дочери Вере осенять себя крестным знамением; сын его Евгений, хотя и крещен по-православному, уже штундист (не крещенный по-штундистски); а дочери Вера и Софья совсем никак не крещены; 5) Даниил и Екатерина Тимошенковы семерых своих детей также воспитывают в штундизме; никто из них не крещен по-православному, а один (Михаил) был крещен на Бежице (в реке Болве) по-штундистски; 6) Анастасия Авдеенкова также не воспитывает в православии своих пятерых детей, хотя муж Василий – православный [14, С. 1329].

Ввиду этого Духовная консистория постановила: 1) предписать священникам церкви Брянского завода под руководством и при участии сектантского наблюдателя преподавать всем сектантам пастырские увещания впредь до возвращения их в лоно православия, бдительно вести за ними наблюдение и немедленно доносить епархиальному начальству о каждом новом случае совращения в ересь; 2) просить орловского губернатора о содействии местной полиции причту в прекращении дальнейшего распространения штундизма и молитвенных собраний в домах сектантов, а также об установлении полицейского надзора за проживающими в г. Орле книгоношами Британского библейского общества Емельяном Алексеевым и его сыном Петром, подозреваемых в принадлежности к сектантству; в) просить прокурора Орловского окружного суда о привлечении Венедикта Федосеева, его жены Марии Павловой и Даниила Тимошенкова к ответственности по ч. 1 ст. 196 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года (за склонение в штунду Адриана, Николая, Харитины и Дарьи Федосеевых), а

последних – за проповедание штундизма по ч. 3 ст. 196 того же уложения; 4) попечение об охране малолетних детей штундистов возложить на местный причт и избранных им почетных прихожан; 5) об обстоятельствах настоящего дела донести Св. Синоду [14, С. 1329].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе проведенного анализа материалов «Миссионерского обозрения» и «Орловских епархиальных ведомостей» сделаем ряд выводов: во главе раскольников и сектантов стояли наиболее энергичные и влиятельные люди. Феномен популярности различных сект и толков среди жителей Орловской губернии был обусловлен и внутренними (правдоискательство, неудовлетворенность повседневной жизнью), и внешними факторами (изменения в политической, социальной или экономической жизни, бедность, физические недостатки, преклонность лет). В зависимости от места проживания в пределах губернии раскольники и сектанты были как весьма фанатичными и нетерпимыми, так и более мягкими и уступчивыми по отношению к Православной Церкви и её духовенству.

С распространением в народе грамотности и особенно религиозно-нравственного просвещения, проводимой вероисповедной политики активная деятельность анализируемых религиозных течений снижалась.

Библиография / References:

1. Абакумов С.Н. Зарождение старообрядчества в Орловском крае в конце XVII – первой половине XVIII в. // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2010. – № 5 (13). – С. 53–57.

2. Буткевич Т.И. Обзор русских сект и их толков с изложением их происхождения, распространения и вероучения и с опровержением последнего. – 2-е изд. – Петроград: И.Л. Тузов, 1915. – 566 с.

3. Введенский А. Действующие законоположения касаясь старообрядцев и сектантов. – Одесса. 1912. – 204 с.

4. Георгиевский А. Краткая история прошлого и общая характеристика современного состояния расколо-сектантства в Орловской епархии в связи с миссией против него // Миссионерское обозрение. – 1901 (январь). – С. 562–572.

5. Горбачев П.О. Секта скопцов в Курской губернии (краткий исторический очерк) // Вестник Краснодарского государственного института культуры. – 2016. – № 2 (6). – С. 7.

6. Григорьев М. Раскол Орловской и Тамбовской епархий в 1898–1899 гг. // Миссионерское обозрение. – 1901 (январь). – С. 421–425.

7. Иникова С.А. Российские скопцы в Румынии (Часть I) // Вестник антропологии. – 2017. – № 3 (39). – С. 41–59.

8. Карабчевский Н.П. Около правосудия. Статьи, сообщения и судебные очерки. – СПб.: 1902. – 480 с.

9. Курдюмов О.Г. Исторические корни возникновения ереси скопцов в Российской империи: влияние Восточно-христианской аскезы // Вестник государственного и муниципального управления. – 2018. – Т. 7. – № 4. – С. 116–124.

10. Матвеева Е.С., Меркулов А.В., Захарина В.С. Деятельность миссионерских обществ в сфере образования в XIX – начале XX в. (на материалах Орловской губернии) // Власть. – 2019. – Т. 27. – № 3. – С. 194–198.

11. Мищенко В.В. Сектантство на территории Орловской губернии в конце XVIII – XIX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2011. – № 1. – С. 27–34.

12. Пругавин А.С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантствомъ (к вопросу о вѣротерпимости). – М.: Типолитография товарищества «И.Н. Кушнерев и К», 1905. – 130 с.

13. Поразительное изуверство скопцов // Миссионерское обозрение. – 1901 (январь). – С. 149.

14. Рационалистическое и мистическое

сектанство в Орловской епархии // Орловские епархиальные ведомости. – 1901. – № 31. – 5 августа.

15. Шихер Н.Д. Дискуссии о предпосылках и результатах формирования современной модели российских государственно-конфессиональных отношений // Вестник государственного и муниципального управления. – 2022. – Т. 11. – № 2. – С. 58–67.

16. Энгельштейн Л. Скопцы и царство небесное. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 336 с.

17. Engelstein Laura. «Notes». Castration and the Heavenly Kingdom: A Russian Folktale, Ithaca, NY: Cornell University Press, 2018. – P. 237–276.

1. Abakumov S.N. (2010) Zarozhdenie staroobryadchestva v Orlovskom krae v konce XVII-pervoj polovine XVIII v.v. [The origin of the Old Believers in the Oryol region at the end of the 17th-first half of the 18th centuries] // Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Novye gumanitarnye issledovanija [Bulletin of the Oryol State University. Series: New Humanities Research]. – №5(13). – S.53-57. (In Russ.).

2. Butkevich T.I. (1915) Obzor russkih sekt i ih tolkov, s izlozheniem ih proishozhdenija, rasprostraneniya i verouchenijai s oproverzheniem poslednego [Review of Russian sects and their interpretations, outlining their origin, distribution and dogma and refuting the latter]. – 2-e izd. – Petrograd: I.L. Tuzov. – 566s. (In Russ.).

3. Vvedenskij A. (1912) Dejstvujushhie zakonopolozhenija kasaemo staroobryadcev i sektantov [Current regulations regarding the Old Believers and sectarians]. – Odessa. 1912. – 204s. (InRuss.).

4. Georgievskij A. (1901) Kratkaja istorija proshlogo i obshhaja harakteristika sovremen-nogo sostojanija raskolo-sektantstva v Orlovsko jeparhii, v svjazi s missiej protiv nego[A brief history of the past and a general description of the current state of schism-sectarianism in the Oryol diocese, in connection with the mission

against it] // Missionerskoe obozrenie [Missionary Review]. – S.562–572. (InRuss.).

5. Gorbachev P.O. (2016) Sekta skopcov v Kurskoj gubernii (kratkij istoricheskij ocherk) [The sect of eunuchs in the Kursk province (a brief historical essay)] // Vestnik Krasnodarskogo gosudarstvennogo institute kul'tury [Bulletin of the Krasnodar State Institute of Culture]. – №2(6). (In Russ.).

6. Grigor'ev M. (1901) Raskol Orlovskoj i Tambovskoj eparhij v 1898-1899 g.g. [The split of the Oryol and Tambov dioceses in 1898-1899] // Missionerskoe obozrenie [Missionary Review]. – P. 421-425. (In Russ.).

7. Inikova S.A. (2017) Rossijskie skopcy v Rumynii chast' I [Russian eunuchs in Romania, part I] // Vestnik antropologii [Bulletin of Anthropology]. – № 3(39). – S.41–59. (In Russ.).

8. Karabchevskij N.P. (1902) Okolo pravosudija. Stat'i, soobshhenija i sudebnye ocherki [Around justice. Articles, communications and judicial essays]. –SPb. – 480s. (In Russ.).

9. Kurdjumov O.G. (2018) Istoricheskie korni vozniknovenija eresi skopcov v Rossijskoj imperii: vlijanie Vostochno-hristianskoj askezy [Historical roots of the eunuch heresy in the Russian Empire: the influence of Eastern Christian asceticism] // Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija [Bulletin of State and Municipal Administration]. – T.7. – №4. – S.116–124. (In Russ.).

10. Matveeva E.S. at all (2019) Dejatel'nost' missionerskih obshhestv v sfere obrazovanija v XIX - nachale XXv. (na materialah Orlovskoj gubernii) [Activities of missionary societies in the field of education in the 19th – early 20th centuries (on the materials of the Oryol province)] // Vlast' [Power]. – T. 27. – №3. – S.194–198. (In Russ.).

11. Mishhenko V.V. (2011) Sektantstvo na territorii Orlovskoj gubernii v konce XVIII-XIX vv. [Sectarianism on the territory of the Oryol province at the end of the 18th-19th centuries] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Istorija i politicheskie nauki [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and political sciences]. – № 1. – S.27–34. (In Russ.).

12. Prugavin, A.S. (1905) Monastyrskie tjur'my v bor'be s sektantstvom (k voprosu o veroterpimosti) [Monastic prisons in the fight against sectarianism (to the question of religious tolerance)]. – M., – 120s. (In Russ.).

13. Porazitel'noe izuverstvo skopcov [The amazing savagery of eunuchs] //Missionerskoe obozrenie [Missionary Review]. – 1901 (janvar'). – S.149. (In Russ.).

14. Racionalisticheskoe i misticheskoe sektantstvo v Orlovskoj eparhii [Rationalistic and mystical sectarianism in the Oryol diocese] // Orlovskie eparhial'nye vedomosti. № 31 ot 5 avgusta 1901 g. – Orel, 1901. (In Russ.).

15. Shiher N.D. (2022) Diskussii o predposylkah i rezul'tatah formirovaniya sovremennoj modeli rossijskih gosudarstvenno-konfessional'nyh otnoshenij [Discussions about the prerequisites and results of the formation of a modern model of Russian state-confessional relations] // Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija [Bulletin of State and Municipal Administration]. – T. 11. – № 2. – S.58–67. (In Russ.).

16. Jengel'shtejn, L. Skopcy i carstvo nebesnoe [Skoptsy and the kingdom of heaven]. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. – 336s. (In Russ.).